

Кадровый состав Оренбургской Центральной городской библиотеки в 1920-1930-е годы

Библиотечное дело 20-х – 30-х годов XX века в Оренбуржье строилось согласно определившимся после революции 1917 года государственным преобразованиям. В 20-е годы XX века началась активная реорганизация библиотечного дела Оренбуржья, которая проходила в условиях Гражданской войны и преодоления ее последствий, а потому характеризовалась нестабильностью развития, а в отдельные периоды и кризисностью. Следующее десятилетие (30-е годы) стало периодом преодоления негативных явлений и динамичного развития отрасли, однако в условиях идеологического диктата. Государственный архив Оренбургской области хранит документы, которые представляют сведения о передаче библиотечных фондов и имущества во вновь образованные или переименованные библиотеки, о состоянии материально-технической базы, основных направлениях деятельности и кадровом составе библиотек. Наибольший интерес для нас представляют фонды отдела народного образования Оренбургского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918 – 1928, Ф. Р-450) и центральной библиотеки Оренбургского городского отдела народного образования (1922 – 1935, Ф. Р-1299) и Оренбургской областной библиотеки им. Н. К. Крупской управления культуры Оренбургского облисполкома (1935 – 1982, Ф. Р-1249). В отчете губернского отдела народного образования III губернскому съезду Советов рабочих и крестьянских депутатов (1920) отмечено, что «библиотечная работа протекала в неблагоприятных условиях: отсутствовало топливо, освещение, библиотекарям отказывали в отсрочках от военной службы, библиотеки вытряхивали из помещений, они только и переезжали из одной квартиры в другую»[1, л. 249 об.]. Время предъявляло

особые требования к профессиональным и личностным качествам библиотекарей, подавляющее большинство которых не имело достаточной теоретической подготовки.

Речь пойдет о сотрудниках библиотеки, которая неоднократно переименовывалась: до революции это была городская общественная (1888 – 1921), затем она получила статус районной общественной им. Герцена (1921 – 1925), как центральная городская функционировала в 1925 – 1935 гг., а с 1935 – это Оренбургская областная, которой в 1936 г. присвоено имя Н. К. Крупской. Одним из источников сведений о кадровом составе библиотеки являются отчеты по результатам обследований, которые проводились органами губполитпросвета [4, л. 1-2)]. 16 февраля 1924 года началась работа комиссии в районной общественной библиотеке им. Герцена. Особый интерес для изучения персонала библиотеки представляет четвертый раздел акта, посвященный личному составу библиотеки, который составляли три библиотекаря и технический служащий (сторож). В план обследования входили беседы с сотрудниками, выяснение их профессиональных знаний, умений и навыков, идеологической позиции, уровень самоподготовки. Особое внимание уделено заведующей Н.И. Ободовской, которая на момент проверки имела среднее образование и 25-летний стаж работы именно в этой библиотеке. Она считала, что задачи библиотеки состоят в том, чтобы «всецело отвечать на запросы читательских масс, культурно-бытовые и общественно-политические вопросы, способствовать самообразованию читателей и руководить ими. «Библиотека должна отражать текущий момент общественно-политической жизни страны и всемерно содействовать агитации за власть и ее мероприятия», – считала она и отмечала особое значение для библиотечной деятельности газет, которые отражали текущие моменты общественно-политической жизни. К инициативе заведующей библиотекой комиссия отнесла разработку и внедрение в практику «числового ящика формуляров» (вероятно, имелась в виду расстановка читательских формуляров по числам)

и вынесение работы вне здания библиотеки в виде экскурсий и прогулок с читателями, участия юных читателей в демонстрациях и массовых праздниках под идейным руководством библиотекаря. Профессиональная самоподготовка Ободовской заключалась в продолжительном стаже работы, чтении газет, журналов, библиотечных пособий и руководств, участии в культпросветработе, организации детских кружков. Другая сотрудница библиотеки – Ольга Николаевна Шерина, имела среднее образование, блестяще владела английским языком после окончания специальных курсов (стаж работы – 1 год). В беседе с членами комиссии она отметила, что «наиболее важной политпросветработой библиотеки считает проведение в жизнь всех мероприятий власти, поэтому занимается самоподготовкой: читает газеты, журналы, участвует в жизни коллектива, библиотечном практикуме (*повышении квалификации*), организует выставки, составляет рекомендательные списки. Третья сотрудница – Александра Андреевна Золотова имела 5 классов образования (8 лет библиотечного стажа). Окончила специальные курсы в Оренбурге в 1920 году. Как и ее коллеги занималась профессиональной самоподготовкой [4, л. 10].

Уникальным историческим источником являются анкеты для личного дела 1925 года, перечень вопросов которых был направлен не только на выявление профессиональных и личностных качеств сотрудников, но и на определение их мировоззренческих взглядов и идеологических установок. Конечно, как уточняют историки, возникают вопросы о степени правдивости, свободы и самостоятельности ответов в условиях зависимости от контролирующих органов власти и, в частности, от руководства библиотеки как идеологического учреждения [6, с. 167].

Анкеты заполнили шесть сотрудниц центральной городской библиотеки: Елизавета Алексеевна Андреева, Елизавета Николаевна Лузина, Наталия Ивановна Ободовская, Екатерина Андреевна Попова, Ольга Ивановна Сафонова и Елена Васильевна Стеклова. Часть вопросов – личные данные (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения и проживания, сословная

принадлежность до революции, имущественное положение прежде и теперь, национальность и подданство), образование, семейное положение, состав семьи и основные данные о ближайших родственниках, вторая группа – вопросы профессионального характера (профессия и специальность, все места службы и занимаемые должности с 1918 года), третья – это вопросы политические, связанные с участием в революциях 1905, февральской и октябрьской 1917 гг., службой в белой армии (полицейских /контрразведывательных учреждениях), членством в партиях и общественных организациях.

Логично представить сводные результаты анкетирования согласно очередности вопросов, используя при перечислении алфавитный список фамилий библиотекарей. Они родились в 70-90 гг. XIX века и в графе «Сословная принадлежность до революции» значится: мещанка, дочь земского врача, дочь военного, чиновника, вдова казака, дочь отставного военнослужащего. Кроме Е. Стекловой, которая «имела и имею часть в доме, не приносящего дохода (по мужу от первого брака)», никто не владел никаким имуществом. Все сотрудницы – русские по национальности («великороссиянка» – ответ Е. Стекловой), их подданство – СССР (Русско-Советская Россия по мнению Н. Ободовской). На вопрос, касающийся образования, получены следующие ответы: «В 1900 г. получила звание учитель, в 1908 г. педагогические курсы при Московских высших женских курсах и курсы библиотечные» (Андреева), «8 классов гимназии Ленинград» (Лузина), «Образование среднее. Курс 8 классной московской гимназии с добавлением домашнего образования (1890)» (Ободовская), «Оренбургский институт благородных девиц» (Попова), «Оренбургская прогимназия (1896)» (Сафонова), «Среднее учебное заведение. Ленинградский институт, там же Высшие педагогические курсы (1901), Внешкольные библиотечные курсы (1920)» (Стеклова). Профессия и специальность связаны с просвещением и библиотечным делом. Семейное положение – три незамужние (Андреева, Лузина, Попова), две вдовы (Ободовская, Сафонова), одна замужем –

Стеклова.

Респонденты должны были представить подробные сведения о членах семьи (с указанием возраста, имени, точного адреса и рода занятий), а также близких родственниках (родителях, братьях, сестрах: где проживают, чем занимались до революции и после, их имущественное и общественное положение). Е. Андреева вписала только мать, которая находится на ее иждивении, Е. Лузина – сестер Екатерину (проживает в Московской губернии) и Антонину (Саратовская губерния) обе домашние хозяйки, до революции учились. Н. Ободовская семьи и родственников не имела, Е. Попова назвала мать, сестер и брата. «Мать – домохозяйка до революции и в настоящее время, имеет дом, проживает в Оренбурге. Две сестры – совслужащие в Оренбурге, одна – в Кзыл-Орде, там же брат – совслужащий. Имущества не имеют». У О. Сафоновой имелись: «мать, домашняя хозяйка, имеет дом по Хлебному пер. № 4. Сын Владимир Иванович Сафонов 21 года студент Оренбургского медтехникума 3 курса. Брат Александр Иванович Рожев счетовод на Восточно-Китайской железной дороге в Харбине. Сестра до революции служила в библиотеке, во время революции в Севастополе на судостроительном заводе. Недвижимости никто не имеет». Семья Е. Стекловой включала мужа-юриста, дочерей Ирину (1,5 года), Веру (1 мес), а также отца, нетрудоспособного с 1907 г., мать и двух сестер».

Французским и немецким языками владели Лузина, Ободовская (еще английским, эсперанто и немного польским) и Стеклова. До февральской революции Е. Андреева учительствовала и работала в сельской библиотеке, Ободовская и Сафонова работали в центральной городской библиотеке, Е. Попова училась, Е. Стеклова давала частные уроки и занималась в воскресной школе.

Два вопроса относились к разряду политических и касались участия библиотекарей в революциях 1905 и 1917 годов и местонахождения на момент этих событий. «В селе Буланове Оренбургского уезда работала с крестьянами», – пишет Андреева. «Участия никакого. Находилась в Оренбурге, не более того

что требовалось по службе, выписка газет, журналов и книг» (Ободовская, Сафонова), «Никакого, училась и находилась в Оренбурге» (Попова). «В 1905 г. находилась в Ленинграде, служила, участия в революции не принимала», – ответила Стеклова. Лузина и Попова жили в Оренбурге и учились.

Сводный ответ о членстве / сочувствие партии выгядит следующим образом: «Так как я пролетарского происхождения и интересы рабочих и крестьян мне близки и понятны, а потому в идее сочувствую партии большевиков-коммунистов» (Андреева), «Беспартийная. Корректно и лояльно отношусь к советской власти» (Ободовская), «Беспартийная. Сочувствую партии РКП (б) (Лузина, Попова, Сафонов, Стеклова). Все сотрудницы являлись членами союза работников просвещения. На вопрос о связях с заграницей положительно ответила только Н. Ободовская, подтвердив частную переписку со знакомой англичанкой из Новой Зеландии.

Два человека указали на участие в публицистической и научной деятельности: Ободовская публиковала в журналах переводы с французского брошюр по технике, Стеклова являлась автором «Руководства по библиотечному делу» (издание Главгубполитпросвета КССР). Политико-просветительная работа в виде чтения докладов отмечена в трех анкетах: Андреевой «Среди рабочих пожарных частей каждое революционное событие отмечается соответствующим докладом», Ободовской «Доклады в Библиотечном объединении по юношескому движению», Стекловой «Читала на библиотечных курсах, конференциях, съездах, в библиотечном техникуме с 1920 по 1925 г. Темы – по библиотековедению».

И, наконец, вопрос о местах службы и должностях, занимаемых в советских учреждениях и предприятиях с 18-го года до момента заполнения анкеты, позволяет определить профессиональный путь сотрудниц центральной библиотеки. «Учительствовала непрерывно, а с 1917 г. работала в библиотеке в рабочем районе. С 1921 г. – в Центральной библиотеке» (Андреева). «В 1919 – 22 г. зав. комплектованием библиотек в бибколлекторе ГОНО г. Оренбурга. В 1922 – 23 – помощник заведующей библиотекой им. Кольцова. С 1923 г. по

настоящее время – сотрудник Центральной читальни» (Лузина). «Оренбургская Центральная Библиотека. Заведующая детским, иностранным и театральным отделами (Ободовская). «С 1918 г. была бибработником в библиотеках Губполитпросвета по 1922 г. С 1922 по 1923 – счетоводом в Губвоенкомате. С 1923 по настоящее время – сотрудницей в Центральной читальне» (Попова). «В 1918 г. служила в городской общественной библиотеке, с апреля 1922 – в Центральной читальне Губполитпросвета до настоящего времени» (Сафонова). «В 1919 г. зав. библиотекой при Доме лишения свободы, в 1920 г. – библиотечный инструктор Губполитпросвета и Политода, с 1921 г. – зав. библиотечной секцией партотдела при Губполитпросвете, с 1922 г. по настоящее время зав. Центральной губернской библиотекой» (Стеклова) [2, л. 226-229, 239-242, 249-250].

Анализ ответов на вопросы позволяет сделать следующие выводы. Все библиотекари относились к средним социальным слоям, имущества не имели, обладали достаточно высоким уровнем образования и профессиональными знаниями, полученными, в основном, в ходе практической деятельности. Стоит согласиться с историками, которые отмечают, что достоверными представляются ответы на вопросы личного и профессионального характера, а ответы на политические вопросы однотипно положительные. Трудно установить все факторы, влиявшие на библиотекарей, заполнявших анкеты, и меру их свободы в ответах на политические вопросы [6, с. 171].

В марте 1930 года деятельность библиотеки подверглась резкой критике со стороны бригады по обследованию, назначенной органами политпросветработы. Наряду с другими недостатками, комиссия отметила: «Штатный персонал по качественному составу в проведении классовой политики партии безинициативен, а на 50% – аполитичен [5, л. 77]. Работники библиотеки не заботились об изъятии идеологически чуждых и вредных книг, наоборот, даже популяризировали их. Это случилось потому, что

работники библиотеки – идеологически и социально чуждые элементы, имеется дочь дворянина (*фамилия написана карандашом очень неразборчиво, прим. авт.*), дочь сенатора Полковская, жена офицера Сафонова. Остальные великолепно чувствовали себя в этой среде. Бездушное отношение к книге, рабоче-крестьянскому молодому читателю, чисто бюрократический подход работников (как Лузина, Федорова, Андреева, Полковская) требуют их замены молодежью, которая окомсомолит свою работу. Комиссия находит, что все это вредительство, если не активное, то преступно пассивное». Акт подписан директором центральной библиотеки (*с марта 1930 г.*) Г.К. Хлебодаровым [5, л. 67].

В постановлении по результатам проверки сказано, что штат работников не соответствует требованиям текущих политических задач и директив партии и требуется его обновить. Выписки из приказов ГОРОНО от апреля 1930 года свидетельствуют о том, что на основании актов обследования и дообследования были уволены: заведующая детским отделением Полковская, заведующая читальней Сафонова, временно исполняющая обязанности заведующей библиотекой Федорова, заведующая передвижным фондом Лузина, заведующая абонементом Андреева. Представленные факты свидетельствуют об идеологическом давлении, в конкретном случае, на на сотрудниц библиотеки.

Источником делопроизводственной документации, наряду с анкетами, являются автобиографии сотрудников уже областной библиотеки, которые относятся к периоду 1937 – 1938 гг. Биографии, написанные классификатором Клавдией Ивановной Бочаговой, зав. читальней Ольгой Михайловной Каратаевой, классификатором Татьяной Алексеевной Киселевой, зав. абонементом Марией Владимировной Колесниковой и зав. иностранным отделом Ольгой Михайловной Соколовой рассказывают об основных этапах их жизненного (личного и производственного) пути [3]. К. Бочагова пишет: «Жили не в большой бедности, но и не хорошо – всегда были в долгах у лавочников. В декабре 1919 г. умер от тифа отец, я осталась старшей в семье,

которая осталась на моем иждивении (7 человек). По месту службы мужа работала библиотекарем в Кызыл-Орде, Симферополе, Москве. В 1936 переехала в Оренбург» [3, л.51]. О. Каратаева отмечает: «Мой отец имел многочисленную семью, отдал меня и одного из братьев на воспитание своему отчиму, где я прожила до 1915 г. Зимой училась, летом нянчила детей и помогала по хозяйству. В 1920 г. вступила в члены ВЛКСМ, в том же год умерли отец и мать, оставив 9 человек детей, из которых я была самой старшей. В периоде 1924 по 1934 г.г. вместе с мужем военнослужащим я жила на китайской границе при отрядах или заставах пограничной охраны НКВД, работая в красных уголках передвижником или библиотекарем» [3, л.51]. Т. Киселева после окончания высших женских курсов в Петрограде приехала в 1923 году Оренбург к матери и устроилась на работу в библиотеку» [3, л. 24]. М. Колесникова училась в Оренбургской женской гимназии, с 1923 года начала работать в профсоюзных библиотеках (совпартслужащих, пищевиков, строителей швейников) [3, л.88]. О. Соколова пришла в центральную библиотеку в 1934 году, считая, «что знание трех иностранных языков (французский, немецкий, английский) даст мне возможность быть полезной для приведения книг иностранного отдела в такое состояние, чтобы отдел начал работу с читателями» [3, л.19-20].

Таким образом, использование архивных документов (отчетов по результатам обследования, анкет и автобиографий) при рассмотрении кадрового состава библиотеки в период 20-30-х годов XX века позволило внести дополнительные сведения в общую историю Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской

Список литературы и источников:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-450. Оп.1. Д. 100.
2. ГАОО. Ф. Р-450. Оп. 1. Д. 302.
3. ГАОО. Ф. 1249. Оп.1. Д.54.
4. ГАОО. Ф. 1299.Оп.1. Д.5.
5. ГАОО. Ф.1299.Оп. 1.Д. 18.
6. Печерин А. В. Анкеты священников как исторические источники // Православие на Урале: связь времен : материалы VI межрегион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 3 февр. 2017 г.). Екатеринбург : УЦИО ; ЕДС, 2017. С. 166–174.

Камскова Т. А. Кадровый состав Оренбургской Центральной городской библиотеки в 1920-1930-е годы // Одиннадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции: в 2-х т./ научный редактор С. В. Любичанковский. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2022. – Т. 1. – С. 246-250.